

Мирбо Октав

**I. Деревенские рассказы. II.
Дурные пастыри**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-52

О-52 **Октав М.**
I. Деревенские рассказы. II. Дурные пастыри / Мирбо Октав – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 304 с.

ISBN 978-5-519-96725-9

ISBN 978-5-519-96725-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И вотъ я, печально настроенный дачникъ, поселился въ моей хижинѣ. У меня нѣтъ другихъ товарищей, кромѣ злой и покрытой грязью собаки, лѣсныхъ птицъ и одного стараго крестьянина. Я видѣлъ однажды, какъ онъ бродилъ вокругъ моего дома, посматривая на меня искоса. Затѣмъ онъ ушелъ. На другой день онъ пришелъ опять и снова прибѣгнулъ къ такой же уловкѣ; на третій день онъ осмѣлился войти за загородку.

— Ну что, устроились вы?—спросилъ онъ у меня, снимая съ головы свой суконный картузь, который онъ, навѣрно, носилъ лѣтъ двадцать, потому что картузь весь порывѣлъ отъ солнца.

— Да, любезный,—отвѣчалъ я.

— Ну, это хорошо, это хорошо.

Онъ поправилъ на трельяжѣ упавшую внизъ вѣточку жасмина.

— А говорить, что будто вы пріѣхали изъ Парижа?

— Это вѣрно.

— Ну, это хорошо, это хорошо.

Онъ пошелъ назадъ медленнымъ шагомъ, своей тяжелой походкой стараго хлѣбопашца.

Каждый вечеръ, когда солнце заходитъ за холмъ, онъ приходитъ и садится на лавкѣ передъ моею дверью, и въ то время, когда я погружаюсь въ свои думы и при этомъ «грустномъ» вечернемъ спокойствіи», уношусь далеко мыслью, онъ только покачиваетъ головою и не говорить ни слова.

* * *

Нѣсколько недѣль тому назадъ я нашелъ себѣ и другого товарища—дѣдушку Равенель, который приходитъ вскапывать цвѣтники въ саду, обрѣзывать сухіе сучья у деревьевъ и сажать овощи.

Дѣдушкѣ Равенель шестьдесятъ два года. Онъ средняго роста, немного согнулся и ходитъ медленно, размѣреннымъ шагомъ стараго сѣтеля. У него великолѣпная голова, съ очень рѣзкими контурами, угловатая, сморщенная, крѣпкая и четырехугольная, съ жесткими волосами, неровныя и посѣдѣвшія пряди которыхъ падаютъ ему на лобъ до самыхъ бровей.

Его тѣло искривилось, какъ стволъ очень стараго дуба, которому всегда приходилось выносить сильные порывы вѣтра. Подъ его заплатанной одеждой торчатъ кости и узлы его мускуловъ, какъ будто бы онъ готовъ пустить новыя вѣтви. Его глаза отражаютъ только проходящее облако; никакого горя, никакихъ обманутыхъ надеждъ и никакой мысли не видно въ этихъ загадочныхъ зрачкахъ, которые, благодаря покорности и молчанію, сдѣлались похожими на зрачки домашнихъ животныхъ. Его движенія медленны, важны, широки, какъ горизонтъ, напоминаютъ о высотѣ неба, о священной тайнѣ сотворенія міра.

Онъ пьяница.

Почти всегда пьяный, онъ все-таки ходитъ, покачиваясь направо и налево. Но работать и пить въ одно и то же время, это не особенно удобно. Если бы онъ не пилъ, то скопилъ бы деньжонокъ и жилъ бы теперь безъ заботы. Какъ у многихъ другихъ, даже такихъ, которые далеко не такъ способны на всякую работу, какъ онъ, у него былъ бы домъ, передъ домомъ садъ, за домомъ поле, куры, утки, кролики, можетъ быть, даже коровы, и онъ каждый годъ откармливалъ бы свинью. Теперь онъ могъ бы жить на покой и помогать сосѣдямъ въ такое время, когда дѣлаютъ сидръ. А у него не было ни дома, ни поля, ни куръ,—ровно ничего. И вотъ ему приходится

ходить на поденную работу то къ однимъ, то къ другимъ, работать въ саду, быть землекопомъ, каменщикомъ, и тяжелымъ трудомъ добывать двадцать су въ день, супъ, подправленный свинымъ саломъ, и кружку пива. Онъ знаетъ все это, но не страдаетъ отъ этого. Впрочемъ, онъ невиноватъ въ этомъ, а во всемъ виновата его вторая жена, потому что дѣдушка Равенель овдовѣлъ сорока восьми лѣтъ, а такъ какъ ему надоѣло вести самому свое маленькое хозяйство, то онъ женился во второй разъ.

— Да, я былъ глупъ, глупъ, глупъ!—говорилъ онъ,—вспоминая о своемъ прошломъ, о своей первой женѣ.

* * *

Онъ приходитъ ко мнѣ каждый день въ шесть часовъ утра, но онъ уже выпилъ и отъ него пахнетъ водкой.

— Ну, дѣдушка Равенель, вы опять пьяны?

— Конечно... Конечно...—отвѣчаетъ этотъ безхитростный человѣкъ, почесывая у себя въ головѣ.—Рюмочку выпилъ! Конечно, рюмочку выпилъ!

Онъ спотыкается. Его нижняя губа отвисла, ослабѣла и по ней течетъ слюна. Даже и въ такія минуты его глаза не выражаютъ ровно ничего, въ нихъ нѣтъ никакого огонька, который показывалъ бы, что мозгъ его возбужденъ, въ немъ не видно опьяненія.

— Въ ваши года, дѣдушка Равенель... неужели вамъ не стыдно?

— Конечно!.. Конечно!.. Вотъ что я вамъ скажу... Это все моя жена... моя вторая жена... Ахъ, негодяйка! Ахъ, развратница!.. Потому-что моя первая жена была святая женщина, святая..

жаль, что вы ее не знали... Святая женщина да... прямо таки святая!

Онъ плачетъ и рветъ на себѣ волосы.

— Святая... настоящая святая... А умерла-то она отъ свиньи, которая околѣла отъ падучей болѣзни.

— Да, я знаю, знаю эту исторію... Подите легте... Вы лучше усните.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Мнѣ нужно вамъ рассказать... Рюмочку я выпилъ, это правда... но все-же мнѣ нужно вамъ рассказать... У меня была свинья, расчудесная свинья... Она и гуляла, и хорошо ѣла... Разрази меня Богъ, если я лгу... И вотъ у нея сдѣлалась падучая болѣзь... какъ у человѣка, какъ у крестьянина... совсѣмъ почти какъ... какъ у христіанина... Вотъ она каталась, вотъ она кривлялась, и у нея была пѣна... Наконецъ, это была уже не свинья... это было... это было... шутъ знаетъ что такое... А потомъ она околѣла. Моя первая жена и говорить: «Я буду ее ѣсть—что же пропадать мясу-то?»—А я сказалъ: «мясо свиньи, которая пала отъ падучей болѣзни, это, вѣрно, ядъ; надобно зарыть его поглубже, поглубже». А ей-то, моей первой женѣ, было жалко зарывать въ землю такое хорошее мясо... «Отчего-же это ядъ?»—Это она-то мнѣ говорить... А я говорю: «Можетъ быть, она навлась чего-нибудь такого, и вотъ у нея заболѣлъ животъ, а потомъ ей бросилось въ голову... Когда же это бываетъ, чтобы свинья падала отъ падучей болѣзни?»—Моя первая жена и говорить: «Я все таки сдѣлаю фрикассе изъ мягкой части».—Дѣлай фрикассе изъ мягкой части, если хочешь,—говорю,—но только я ѣсть его не стану... Охъ-хо-хо!

И дѣдушка Равенель, при этихъ тяжелыхъ для него воспоминаніяхъ, рыдаетъ, дѣлаетъ движенія

головой и руками, и потомъ продолжаетъ свой рассказъ:

— Подавиться мнѣ вилами, лопатой или коловоротомъ, если я лгу!.. Вотъ моя первая жена и поѣла мягкой части съ картофелемъ, а потомъ я зарылъ свинью на лугу у Боттеро, подъ осиною... Сначала-то съ ней ничего не было... Она ходила такъ, какъ ходите вы, какъ хожу я, какъ ходятъ всѣ... Но вотъ, черезъ десять лѣтъ, аккуратно въ тотъ самый день, съ ней сдѣлалась падучая болѣзнь точь въ точь, какъ у свиньи... Вотъ какъ ее ломало, вотъ какая была у нея пѣна, вотъ какъ она кричала!.. а потомъ и Богу душу отдала. Я не успѣлъ повернуться и вылить ей на лицо ведро воды!.. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что есть Богъ, святой Іосифъ и Пресвятая Дѣва—черезъ десять лѣтъ эта свинина подѣйствовала ей на животъ, а потомъ и на голову... Вотъ она ее и задушила, да!.. Охъ-хо-хо!..

— Тогда вы женились во второй разъ, старый проказникъ?

— Ну, да!.. Ну, да!.. Я женился на второй женѣ... Но только эта не такая!.. Ахъ, негодяйка!.. Ахъ, развратница! Ей непременно нуженъ мужчина. Она хуже всякой кошки, всякой суки... Я человекъ старый, вы понимаете... а потомъ я никогда не любилъ заниматься этими дѣлами... Но ей это непременно нужно какимъ бы то ни было образомъ!.. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы посмотрѣли на это!.. Иной разъ сидишь себѣ покойно и, конечно, ни о чемъ не думаешь... или вернешься, усталый, съ поденной работы: «Дѣдушка Равенель,—говорить она мнѣ,—меня жжетъ точно огнемъ»... А сама смотреть на меня такими глазами, которые горятъ, какъ свѣчка.

— Не могу,—говорю,—я старикъ, да и не хочу въ это время...—Но она ко мнѣ пристаётъ, долъ-

ваетъ меня, цѣлуетъ.—Не могу,—говорю опять. «Ну, такъ выпей рюмочку»,—говорить она мнѣ... Я выпиваю рюмочку, двѣ рюмочки, три рюмочки. «Ну, теперь хочешь?»—спрашиваетъ она у меня. Нѣтъ, не хочу,—говорю я. «Ты тряпка»,—говорить она мнѣ.—А ты сальница,—отвѣчаю я... А потомъ хлопъ ее по щекѣ, хлопъ по другой... это всегда кончается побоями... Тогда я выпиваю одну рюмочку, двѣ рюмочки, три рюмочки. Охъ-хо-хо!.. Вы понимаете, все это убиваетъ меня, убиваетъ!

* * *

На другой день послѣ своего пьянства, дѣдушка Равенель ходитъ точно во снѣ. Онъ ничего не понимаетъ, если его о чемъ-нибудь спросишь. Его увеличившіеся и округлившіеся глаза точно смотрятъ въ какую-то бездонную пропасть.

— Послушайте, дѣдушка Равенель, нужно бы сдѣлать верхнюю перекладину у изгороди.

— Ахъ, да!.. перекладину!..

— Вы поняли?

— Нѣтъ!.. перекладину!.. перекладину!

— Да, вѣдь, вы знаете, что такое перекладина?

— Перекладина!.. Знаю...

— Такъ вотъ вы и сдѣлаете перекладину у изгороди.

— У изгороди?

— Вы поняли?

— Нѣтъ...

Онъ идетъ медленнымъ шагомъ въ садъ, беретъ свою лопату, опирается на нее руками, смотреть, какъ летаютъ птицы и трепещатъ листья отъ вѣтра... Онъ повторяетъ:

— Перекладина!.. изгороди!..

Никакая мысль не входитъ въ его упрямую старую голову, въ его зачерствѣвшій мозгъ

и его лицо, которое дѣлается еще угловатѣе, принимаетъ неумолимо строгій видъ, пластическую красоту, благородство изваянія, и если бы мимо него прошелъ какой-нибудь поэтъ, то онъ сказалъ бы: «Вотъ земной богъ!»

Смерть старика Дюге.

I.

— Прежде всего у него сдѣлалась боль въ животѣ... съ тѣхъ поръ не прошло еще и недѣли... Господи Боже мой, да это было въ четвергъ на той недѣлѣ... колики, колики, у него такъ и вертѣло въ кишкахъ... И его все слабило и слабило безъ перерыва... онъ почти ничего не ѣлъ... маленькую грушу утромъ и кусочекъ сыра вечеромъ... А потомъ онъ слегъ... Ну ужъ и лихорадка же была у него, Господи Іисусе Христе! вотъ какая лихорадка... вотъ какъ онъ стучалъ зубами...

Докторъ щупалъ у больного пульсъ съ серьезнымъ видомъ.

— Онъ не жаловался на то, что у него болитъ голова?—спросилъ онъ.

— Ахъ!.. жаловался-ли онъ? Очень жаловался...

— Бредилъ?

— Что вы изволите спрашивать?

— Былъ-ли у него бредъ?

— Кажется, нѣтъ... онъ ничего не говорилъ. Можетъ быть, вы хотите посмотреть его мочу?

Докторъ не отвѣтилъ ей на это; онъ поднялъ одѣяло и нѣсколько разъ пощупалъ у старика Дюге животъ, сильно нажимая на него рукою; старикъ Дюге лежалъ на спинѣ, раскрывъ ротъ;

онъ не шевелился и только отъ времени до времени испускалъ глухіе стоны; докторъ покачалъ головою и сталъ писать рецептъ.

— Вы будете давать ему черезъ каждыя полчаса по столовой ложкѣ этой микстуры,—наказывалъ онъ старухѣ Дюге, которая проводила его до двери.

Въ то время, когда онъ отвязывалъ поводъ своей лошади и тщательно свертывалъ его, она спросила у него:

— Что вы думаете о немъ?

— Я думаю, что онъ не переживетъ ночи,—отвѣчалъ докторъ.

— Даже этой ночи? Такъ вотъ какъ!.. Господи, да можетъ-ли это быть!

— Ну, до свиданія!—сказалъ докторъ, влѣзая въ свой кабріолетъ. — У васъ тутъ очень плохи дороги...

И экипажъ покатылся, подпрыгивая на неровныхъ мѣстахъ дороги.

Оставшись одна, старуха Дюге одною рукою почесала себѣ носъ, а другою передвинула на бедро низъ своего фартука и, подумавъ съ минутой, рѣшилась перейти черезъ маленькій, находившійся около дома фруктовый садъ, у дальняго конца котораго, за изгородью, видна была между яблонями покрытая соломой лачуга. Она позвала:

— Тетка Гарньеръ! Эй, тетка Гарньеръ!.. Э-в-эй!

Черезъ нѣсколько времени слышались чьи-то медленные шаги въ деревянныхъ башмакахъ и между вѣтвями показалась какая-то старуха.

— Ты пришла за мной?—закричала она.

— Да, за тобой, тетка Гарньеръ. Я совсѣмъ одна дома... Дочь еще не вернулась изъ города; сынъ въ лѣсу,—онъ пошелъ за грибами... Надо сходить къ аптекарю и снести эту бумажку, а

потомъ къ кюрэ и сказать ему, чтобы пришелъ поскорѣе причастить...

— Все это для старика Дюге?

— Конечно, для него...

— А что сказалъ докторъ?

— Онъ ничего не сказалъ... сказалъ только, что онъ не переживетъ ночь...

— Ахъ, Пресвятая Богородица! Вотъ какая исторія... Мнѣ думается, что это злокачественная лихорадка, какъ у моего мужа. ...А потомъ, главное, лѣта... Вѣдь Дюге-то не молодой...

И обѣ женщины, къ которымъ присоединились всѣ кумушки изъ деревни Фрельмонъ, принялись болтать и рассказывать одна другой удивительныя исторіи о болѣзняхъ и докторахъ.

II.

Старику Дюге было семьдесятъ два года; это былъ такой возрастъ, котораго рѣдко достигаютъ переутомившіеся отъ работы крестьяне, организмъ которыхъ бываетъ къ тому же истощенъ скудной пищей и вдобавокъ въ такомъ дождливомъ и холодномъ климатѣ, каковъ климатъ Нормандіи. Я встрѣчалъ его иногда—это было тогда, когда онъ выходилъ на дороги, чтобы погрѣть свою старую спину, или когда онъ отправлялся по пятницамъ въ городъ для того, чтобы побриться и купить себѣ бутылку водки. Онъ шелъ съ трудомъ, согнувъ свой высокій станъ дугою, наклонившись къ землѣ и подпираясь длинною палкою изъ дерева, которую онъ, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, срѣзалъ у одной изгороди. Наши разговоры были всегда одни и тѣ-же: «Хорошая погода, дѣдушка Дюге.»—«Гм! Она можетъ переѣниться, вѣтеръ дуетъ не съ хорошей стороны». Или: «Какая скверная погода, дѣдушка

Дюге!» «Гм! Она может проясниться, вѣтеръ дуетъ высоко». Когда онъ былъ навеселѣ, когда онъ выпивалъ рюмочку «крѣпкой», онъ всегда говорилъ мнѣ, причемъ въ его маленькихъ мигающихъ глазкахъ видна была какая-то насмѣшка: «Я видѣлъ ночью большого зайца... Онъ показался вонъ тамъ, въ виноградникѣ напротивъ дома... Вы навѣрно, найдете его въ свеклѣ у Пито». Кромѣ этихъ рѣдкихъ случаевъ, когда старикъ Дюге, бывало, разоткровенничается, онъ по большей части былъ молчаливымъ и задумчивымъ, какъ старыя собаки и старые крестьяне.

* * *

Въ молодости ему предлагали сдѣлаться мясникомъ и хотѣли научить его этому дѣлу задаромъ,—дѣло это хорошее и даетъ большой доходъ. Онъ отказался наотрѣзъ: «у насъ всѣ занимались землею,—сказалъ онъ,—это переходитъ отъ отца къ сыну; и я тоже буду заниматься землею». Ему очень хотѣлось бы взять на арendu маленькую ферму, но объ этомъ нечего было и думать, потому что никто не могъ бы за него поручиться и у него не было денегъ для того, чтобы приобрести необходимыя орудія. Тогда онъ рѣшилъ сдѣлаться простымъ сельскимъ батракомъ. Такъ какъ онъ былъ человѣкомъ трудолюбивымъ, неутомимымъ, экономнымъ, честнымъ и трезвымъ, то онъ работалъ, не покладывая рукъ. Когда у него былъ цѣпъ въ рукѣ и онъ молотилъ рожь на звонкомъ гумнѣ ригъ, или же подрѣзалъ деревья, возилъ навозъ, пахалъ и сѣялъ, то въ это время онъ считалъ себя счастливымъ и просилъ у Бога только того, чтобы такъ продолжать всю жизнь. Но самымъ лучшимъ временемъ было для него время жатвы, когда онъ съ серпомъ, обвер-